

ПОЛИТЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ТАРХАНОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрено развитие представлений об экономической деятельности человеческого сообщества и показано, что наибольшими отрицательными последствиями для человеческих сообществ являются политические решения на основе экономических положений, не соответствующих сути экономической деятельности.

Ключевые слова: природа; экономика; гипотеза; учение; заблуждение; теория; политика.

POLITICAL ECONOMY AND ECONOMIC POLICY

TARKHANOV O.V.

ABSTRACT

In the article discusses the development of ideas on the economic activities of the human community and it is shown that the greatest negative consequences for human societies are political decisions based on economic provisions not of the essence of economic activity.

Keywords: nature; economy; conjecture; doctrine; theory; delusion; politics; the purpose of humanity; harmony.

Из сведений, закрепленных в энциклопедиях, можно узнать, что слово «природа» используется человеком для обозначения нескольких понятий, из которых по значимости можно выделить два. Одно из этих понятий обозначает окружающую человека материальную действительность с действующими в ней материальными силами. Другое понятие связано с сущностью предметов и явлений (например, природа молнии и т.д.).

Материальная действительность, которую человек может обнаружить с помощью имеющихся у него органов чувств, представлена живой и неживой материей. Неживая материя охватывает множество физических объектов от частиц атомов до веществ и предметов. Живая материя связана с понятием «жизнь» и включает в себя живые организмы от бактерий и растений до животных.

Живая материя, в отличие от неживой материи, обладает уникальным свойством. Это свойство заключается в присущей живой материи способности воспроизводить самое себя. Главной особенностью этого воспроизведения является круговорот различных форм органического вещества с фазами их синтеза из молекул неживой материи с потреблением энергии и разложения на исходные компоненты с выделением энергии.

Поскольку на планете Земля все перечисленные формы живой материи воспроизводятся, то можно прийти к выводу о том, что на планете Земля у всех форм живой материи имеются все необходимые для этого условия.

С учетом изложенного можно утверждать, что существование человека, обуславливалось единичными для живых организмов законами природы, включая законы воспроизводства данных форм жизни и естественного отбора.

Неживая и живая материя и обуславливающие их существование явления вместе с их сущностью

представляют собой широкое понимание слова «природа». Сущность же материи и явлений отображается более узким пониманием слова «природа» (природа материи, природа явления), как некое отражение их сущности в сознании человека.

Изучением сосуществования живой и неживой материи занимается наука «Экология» (от др.-греч. οἶκος – обиталище, жилище, дом, имущество и λόγος – понятие, учение, наука). Термин введен в 1866 г. немецким ученым Геккелем (1834 – 1919), а первые исследования восходят к Аристотелю («История животных»). В начале новой эры древнеримский государственный деятель Плиний Старший (ок. 24–79 н.э.) в «Естественной истории» связал жизнь животных и экономику.

В наше время представления о науке экология в концентрированном виде американский ученый Барри Коммонер (1917–2012) выразил в четырех законах:

«1. Всё связано со всем; 2. Ничто не исчезает в никуда; 3. Природа знает лучше – закон имеет двойной смысл – одновременно призыв сблизиться с природой и призыв крайне осторожно обращаться с природными системами; 4. Ничто не даётся даром (в оригинале «Бесплатных завтраков не бывает»)».

У науки «Экономика» и науки «Экология» общее не только в происхождении терминов. Лишь специфика экономического организма, как деятельности по производству потребительных стоимостей, обособляет науку «Экономика» от «Экологии». Но законы Коммонера вполне определенно указывают на необходимость учета в «Экономике», как практической деятельности человека, фундаментальных законов природы. И в этом смысле можно полагать, что «Экономика» человеческого общества не может быть устойчивой, если экономическая деятельность человека

приводит к нарушению устойчивости экологической системы, как системы жизнеобеспечивающих факторов.

С течением времени в отличие от бактерий, растений и диких животных, гармонично вписавшихся в процесс воспроизводства самое себя без нанесения ущерба природе, воспроизводство человека эту гармонию нарушило.

Человек, как наделенный способностью распознавать сущность (природу) материи и явлений, уже в древности создал индивидуальные орудия труда для рыболовства, охоты и собирательства диких плодов. К этому периоду относится и возникновение рынка. На рынке орудия и излишне добытые в окружающей среде продукты питания обменивались друг на друга с помощью денег, в роли которых выступали редкие природные атрибуты в виде перьев, шкур животных, камней и прочего.

Отставание воспроизводства пищи по сложившимся в природе способам от потребностей растущего количества людей, на первых порах, привело сообщества людей к взаимно истребительным войнам. Благодаря заложенной в человеке способности к аналитическому мышлению, человек открыл земледелие, как наиболее продуктивный способ воспроизводства пищи с помощью изготавливаемых им орудий.

Следствием этого вмешательства явилось нарушение естественного хода событий на Земле, ранее определяемое сложившимися в природе процессами воспроизводства растений и животных. Исследование земледелия и экономики в целом показало, что заложенные в них способы не решили проблемы голода [1, 2]. Ее обострение, грозящее усилением войн, обуславливают актуальность предлагаемого исследования.

Поскольку создание средств добычи продуктов питания, сама добыча и обмен с помощью денег создаваемых средств и добываемых продуктов являют собой процесс воспроизводства потребительных и меновых стоимостей и их обмен, то такая деятельность и есть не что иное, как экономическая деятельность человека. Благодаря этой деятельности и способности человека к размножению, природные источники пищи, как и доступные источники медных и иных руд, стали в этот период быстро истощаться. Стало быть, экономическая деятельность человека с самого начала своего возникновения явилась нарушением гармонии, сложившейся в природе до этой деятельности.

Вероятно, словесное обозначение экономической деятельности возникло уже на стадии открытия человеком земледелия и животноводства. В языках европейских народов слово «Экономика» произошло в Древней Греции. Понятие *Οἰκονομικός* (греч. *oikos* – домашнее хозяйство и *nomos* – законы), как законы ведения домашнего хозяйства, ввел ученик Сократа (469–399 до н.э.) Ксенофонт (430 – 354 до н.э.)

Поскольку основой домашнего хозяйства

древних людей было земледелие и животноводство, постольку экономика древнего мира описывала правила ведения сельского хозяйства, совмещаемого с нуждами древних государств. Так, Ксенофонт утверждал, что «земледелие – мать и кормилица всех искусств», под которыми греки понимали занятия людей от военного дела до медицины.

Древнегреческий поэт Гесиод (VIII век до н.э.) в поэме «Труды и дни», за триста лет до Ксенофонта, писал: «Труд человеку стада добывает и всякий достаток». Под всяким достатком понимаются созданные и добытые с помощью труда предметы потребления (стоимости).

Уже у Ксенофонта в описании домашнего хозяйства появились понятия о потребительных и меновых стоимостях, создаваемых человеком, как о предметах, удовлетворяющих внутренних потребности человека и поставляемых на рынок. Меновые стоимости, превращающиеся на рынке в товары, менялись либо на деньги, либо на иные, необходимые для внутренних нужд хозяйств товары.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что уже в глубокой древности человечество от собирательства, охоты и рыболовства перешло к созданию потребительных стоимостей и их обмену. При этом, несмотря на отсутствие теории этой деятельности, человеческое сообщество на первых порах весьма успешно справлялось с обеспечением себя жизненно необходимыми потребительными стоимостями. Посредством торговли, как на внутреннем, так и на международном рынке, осуществлялся обмен излишне произведенными потребительными стоимостями, превращаемыми при обмене в товары.

Описанный процесс соизмерения потребительных стоимостей и их обмен так бы и осуществлялся до наших дней, если бы не великий ученый Древней Греции Аристотель (384–322 до н.э.). Именно ему принадлежит вопрос об измеримости меновых соотношений между обмениваемыми товарами: «...5 ложек = 1 дому» ... «не отличается» от ... 5 ложек = такому-то количеству денег». И далее: «Обмен не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости. Однако в действительности невозможно, чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы, т. е. качественно равны. Такое приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно, является лишь “искусственным приемом для удовлетворения практической потребности”» [3, С. 99].

Поиск ответов на поставленную Аристотелем задачу привел к возникновению экономической науки, как процесса осмысления практики экономической деятельности.

Уже в древности люди заметили, что с течением времени уменьшается количество выращиваемых в земледелии растений. Поэтому люди с древних времен старались поддерживать плодородие земли

с помощью различных приемов. Было замечено, что если на поля внести минеральные вещества (мергель, известь), или вывезти на поля навоз животных, то плодородие полей несколько повышается. Описание этих приемов нашло отражение в трудах древних исследователей, историков, писателей и поэтов, например [4].

Таким образом, можно полагать, что благодаря природной способности человек осмысливал свою экономическую деятельность (земледелие и животноводство, как отрасли по производству пищи и сырья для одежды), так и получал важные сведения из области поддержания плодородия земли. Однако в древности приемы поддержания плодородия не успевали за ростом населения и инфраструктуры социального организма государства той или иной страны. Поэтому государства, например Древний Рим, для удовлетворения потребностей в предметах потребления осуществляли военные походы в соседние страны для отнятия у других народов либо пищи, либо плодородной земли, либо того и другого [5].

Но военные походы могло осуществлять государство, экономическая деятельность в котором позволяла содержать управленческий аппарат со службами по сбору налогов, армию, полицию, органы правосудия, служителей культа, строителей дорог и общественных зданий, разработчиков и производителей оружия, транспортных и иных средств и прочего. Стало быть, управленцы, производители стоимостей и потребители стоимостей – участники единого организма, благополучие которого измеряется количеством и качеством производимых стоимостей, определяемых правильностью распределения создаваемых стоимостей. Вслед за развитием общества от семьи до государства, экономика развилась от семейной (домашней) формы до экономики государства в целом. В силу этого, противопоставление государства и его экономики, равно как и гипотеза о невмешательстве государства в экономику есть мысли научно несостоятельные и логически бессмысленные. Применительно к экономике государства можно полагать, что степень развития этой экономики определяет устойчивость государства во времени.

Вероятно, со своими задачами по развитию и поддержанию экономики на должном уровне Древний Рим не справился из-за отсутствия должных знаний. Поскольку основу экономики этого государства составляло сельское хозяйство, постольку можно полагать, что именно упадок этой экономической деятельности привел к разрушению Древнего Рима.

После крушения Римской империи развитие представлений об экономической деятельности государства задержалось на многие сотни лет. Через 2500 лет после Гесиода Монкретьен ввел в обиход понятие о политической экономии (1615), как науке об экономике государства [6]. Затем появился на свет весьма обстоятельный трактат (1662)

английского экономиста Уильяма Петти (1623–1687) об экономической деятельности государства [7].

В предисловии Петти пишет, что излагаемые им мысли «... могут оказаться столь же подходящими в отношении этой страны, как и всякой другой» [7, С. 1].

К этому времени сельское хозяйство Великобритании велось по трехпольной системе. Третья часть всех полей отводилась по яровые культуры, другая треть – под озимые культуры, и треть земель ежегодно выводилась из эксплуатации и находилась под так называемыми парами. В то время такая структура полей позволяла не только удовлетворять потребности 5 миллионов граждан Великобритании, из которых около 4 млн. человек были крестьяне. Эта деятельность обеспечивала достаточным количеством пищи незанятых сельским хозяйством граждан, включая госчиновников, армию, служителей церкви, образования, лечебных учреждений и граждан иных профессий, распределяя пищу между ними благодаря заработной плате, установленной этим гражданам из налоговых поступлений.

Что любопытно, Уильям Петти не описывает сущность сельскохозяйственной экономики, но четко обозначает узловые вопросы экономики государства. Петти вслед за Гесиодом и Ксенофонтом утверждает, что «труд есть отец и активный принцип Богатства, а земля его мать» [6, С. 31]. Под «Богатством» Петти понимает совокупность «земель, домов, кораблей, товаров, домашней обстановки, драгоценных металлов и денег» [7, С. 11]. В этом списке Петти описывает не что иное, как экономическое понятие «потребительные стоимости». Вслед за Аристотелем, Петти ищет эквивалент обмениваемых на рынке товаров.

В исследованиях Петти механизм излишне производимых в сельском хозяйстве потребительных стоимостей лишь описывается, но не раскрывается. Петти лишь определяет в денежном и натуральном исчислении величину ренты (налогов), необходимой для государственных нужд. Для этих целей он предлагает «выделить из всех 25 млн. акров, имеющих, как говорят, в Англии и Уэльсе, столько земли *in specie* [в натуре], чтобы максимальная рента с нее достигала 2 млн. ф. ст.; это составит около 4 млн. акров, или около шестой части всей земельной площади» [7, С. 14].

В отличие от Аристотеля, не усмотревшего сущности эквивалента в обмене разнородных товаров на рынке, Петти выдвигает гипотезу о том, что мерило обмениваемых на рынке товаров (меновых стоимостей) связано с трудом и плодородной землей. Другими словами – мерило находится в сфере производства пищи.

В частности, он пишет: «Если он (земледелец – ТОВ) из жатвы вычтет зерно, употребленное им для обсеменения, а равно и все то, что он потребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлет-

ворения своих естественных и других потребностей, то остаток хлеба составляет *естественную и истинную земельную ренту* этого года; и среднее из семи лет или, вернее, из того ряда лет, в течение которого недороды чередуются с урожаем, даст в виде зернового хлеба обычную ренту» [7, С. 16].

Далее он продолжает: «Но здесь возникает дальнейший, хотя и соподчиненный вопрос: какому количеству английских денег может равняться по своей стоимости этот хлеб или эта рента? Я отвечаю: такому количеству денег, которое в течение одинакового времени приобретает за вычетом своих издержек производства кто-нибудь другой, если он всецело отдается производству денег» [7, С. 16].

Вполне ясно, что здесь Петти не проникает в сущность производства потребительных стоимостей, а лишь посредством аналогий приравнивает итоги разных видов производительного труда в виде, так сказать, естественной ренты, подобной ренте от земледелия. На этом основании он приходит к весьма логичному выводу: «Мир измеряет вещи при помощи золота и серебра, главным же образом при помощи последнего, ибо не могут существовать два мерил, и, следовательно, *лучшее* из многих *должно стать единственным* из всех» [7, С. 17].

Определение Петти эквивалентности обмениваемых товаров через их оценку с помощью золота или серебра не раскрывает сущности эквивалентности обмениваемых товаров. Но далее Петти делает важный шаг на пути решения проблемы эквивалентности (соизмеримости) разнородных по структуре обмениваемых товаров. Он полагает, что «*оценку* всех предметов следовало бы привести к двум естественным знаменателям – к *земле и труду*; т.е. нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то и такого-то количества земли, такого-то и такого-то количества труда, потому что ведь оба – и корабль, и сюртук – произведены землей и человеческим трудом. А раз это так, то нам очень желательно бы найти естественное уравнение между землей и трудом, чтобы быть в состоянии так же хорошо или даже лучше выражать стоимость при помощи одного из двух факторов, как и при помощи обоих, и чтобы быть в состоянии так же легко сводить один к другому, как пенса к фунту» [7, С. 17].

Решению проблемы эквивалентности обмениваемых товаров помешало, по мнению Петти, найденное им препятствие: «Однако все это может быть исправлено при небольшом усилии в короткий срок, так чтобы в течение нескольких лет уравнять стоимость земель в Ирландии с их стоимостью в других странах» [7, С. 18].

Под стоимостью земли здесь Петти понимает ее цену, принятую в сообществе. В конечном счете, Петти увязывает цену товара с количеством занятых в производстве людей и качеством земель и приходит к выводу, что «истинная политическая

цена» (цена меновых стоимостей), должна быть исчислена «*исходя из естественных оснований*» – труда и земли. И далее: «А эта последняя, будучи сопоставлена с обычным искусственным стандартом – серебром, дает то, что мы ищем, т.е. истинную рыночную цену» [7, С. 44].

Исследования Петти, хотя и не раскрывают механизма образования стоимостей, но вполне ясно объясняют, что цена меновой стоимости (политическая цена) определяется естественными условиями, т.е. условиями производства. Рыночная же цена является всего лишь следствием сопоставления количества поступивших на рынок меновых стоимостей и вовлеченных в рыночный обмен денег, как «искусственного стандарта».

При этом вполне ясно, что этот «стандарт», в случае, например, засухи, никоим образом не влияет на доход производителя, как и не может накормить владельцев денег.

Условием решения проблемы созидания Петти увидел в выравнивании цен земель в разных странах. Но эта задача не решаема. Препятствие, как мы увидим позже, заключалось не в выравнивании цен земель, а в определении единой экономической сущности у земель с разной производительностью. Ведь цена земли зависит от многих природных факторов, включая ее естественное плодородие, условия окружающей среды, наличие осадков и пр.

Размышления о сути производимых в экономическом организме потребительных и меновых стоимостях и их обмена, начатое предшественниками, продолжил Смит [8].

Так, Смит пишет: «... стоимость всякого товара для лица, которое обладает им и имеет в виду не использовать его или лично потребить, а обменять на другие предметы, равна *количеству труда*, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение. Таким образом, *труд* представляет собою действительное мерило меновой стоимости всех товаров. ... Не на золото или серебро, а только на *труд* первоначально были приобретены все богатства мира; и стоимость их для тех, кто владеет ими и кто хочет обменять их на какие-либо новые продукты, в точности равна *количеству труда*, которое он может купить на них или получить в свое распоряжение». [8, С. 28].

Как нетрудно убедиться, это утверждение о труде, на который можно купить другой труд, не опирается на проникновение в сущность процесса созидания стоимостей и полученные при этом обоснования. Нет этих обоснований и во всей Главе V «О действительной и номинальной цене товаров...» с 24 по 43 страницу его сочинения. Более того, оно противоречит результатам практики земледелия, описанной и Петти, и самим Смитом: «Одно и то же число рабочих в сельском хозяйстве производит в различные годы весьма различные количества зерна, вина, масла, хмеля и т. п.» [8, С. 55]. Однако, раз число рабочих неизменно, то и количество производимого ими труда – одно и то же. Но раз труда

в сельском хозяйстве тратится одинаковое количество, то из вывода Смита об измеримости стоимостей трудом следует, что продуктов, приносимых этим трудом, должно быть одинаковое количество. Меж тем, как отмечает Смит, в разные годы количество продуктов получается весьма разное. Стало быть, вывод Смита о том, что количество продуктов «в точности равно количеству труда» совершенно точно не соответствует действительности. Уступает этот вывод Смита и выводу Петти о связи производимых стоимостей с фактором труда и фактором земли.

В Главе VI «О составных частях цены товаров» Смит касается участия собственников земли и капитала в создании стоимостей. Он пишет: «В обществе первобытном и малоразвитом, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность, соотношение между *количествами труда*, необходимыми для приобретения разных предметов, было, по-видимому, единственным основанием, которое могло служить руководством для обмена их друг на друга» [8, С. 44].

Но вот пришла эпоха, в которой родилась частная собственность предпринимателя на машинные средства производства (ранее была собственность на орудие труда), а место феодальной наследуемой собственности, заняла частная собственность на землю.

Относительно машинных средств производства Смит пишет: «При обмене готового товара на деньги, на труд или на другие продукты, помимо оплаты цены материалов и заработной платы работников, должна быть еще дана некоторая сумма для прибыли предпринимателя, рискующего своим капиталом в этом деле. Поэтому стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается сама, в этом случае, на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая – на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал в виде материалов и заработной платы» [8, С. 45].

Из этого фрагмента рассуждений Смита следует два материальных экономических факта и два его утверждения, не имеющие обоснований. Первый факт заключается в том, что при производстве промышленных товаров создается несколько больше стоимостей, чем их тратится на производство и содержание рабочих. Это превышение называется прибавочной стоимостью. Первый факт обуславливает второй факт, сложившийся при капитализме – вся прибавочная стоимость присваивается предпринимателем.

Второй факт Смит объясняет утверждением: «*Очевидно*, что добавочное количество приходится на долю прибыли с капитала, авансированного на заработную плату и доставившего сырой материал для рабочего» [8, С. 46]. Но слово «*очевидно*» – не есть проникновение в суть процесса создания излишней стоимости при соединении средств про-

изводства с трудом, а есть всего лишь гипотеза, нуждающаяся в доказательстве. Более того, другим своим утверждением о том, что «рабочие прибавляют» стоимость – явно не стыкуется с утверждением «Очевидно, приходится на долю капитала».

Относительно производства сельскохозяйственных стоимостей Смит пишет: «С тех пор, как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность, землевладельцы, подобно всем другим людям, хотят пожинать там, где не сеяли, и начинают требовать ренты (вознаграждение – ТОВ) даже за естественные плоды земли. Теперь устанавливается определенная добавочная цена за деревья в лесу, траву на лугах и за все естественные произведения земли, которые прежде, когда земля была общей, не стоили работнику ничего, кроме труда собрать их. Работник теперь должен платить за разрешение собирать их, он должен отдавать землевладельцу часть того, что собирает или производит его труд. Эта часть, или, что то же самое, цена этой части, составляет земельную ренту, и эта рента образует третью составную часть цены большей части товаров» [8, С. 46].

Приведенный фрагмент размышлений Смита больше подходит к описанию земледелия, в котором некий предприниматель, взявший землю в аренду у землевладельца и имеющий некоторый капитал в виде средств производства и денег, нанял на работу на земле неких рабочих за некоторую авансируемую зарплату.

Не трудно увидеть общее между прибавочной стоимостью промышленного производства и естественной рентой в сельскохозяйственном производстве. И в том, и в другом случае в двух отраслях произведенное количество стоимостей превышает количество стоимостей, затрачиваемых на производство.

В то же время, Смит усматривает и существенную разницу в труде на селе и в промышленности: «Одно и то же число рабочих в сельском хозяйстве производит в различные годы весьма различные количества зерна, вина, масла, хмеля и т. п., между тем как одно и то же количество прядильщиков и ткачей каждый год производит одинаковое или почти одинаковое количество полотна и сукна» [8, С. 55].

Эти размышления Смита в явном виде отражают некую проблему выявления причин меняющейся по величине годовой производительности труда в сельском хозяйстве.

Относительно составных частей цены Смит пишет: «Следует иметь в виду, что действительная стоимость всех различных составных частей цены определяется количеством труда, которое может купить или получить в свое распоряжение каждая из них. *Труд* определяет стоимость не только той части цены, которая приходится на заработную плату, но и тех частей, которые приходятся на ренту и прибыль» [8, С. 46].

Это утверждение Смита не согласуется с ранее

сделанным им выводом о том, что прибавочный продукт приходится на долю прибыли с капитала промышленного предпринимателя. Нестыковка объясняется отсутствием должных обоснований у Смита о том, каким образом в процессе производства появляется *трудовая* составляющая, приходящаяся на долю прибыли предпринимателя, который, как объясняет сам Смит, не тратит никакого труда на производство.

Не меньше вопросов и к оценке ренты земледельца. Ведь сам Смит признает, что до введения частной собственности на землю, прибавочный продукт в земледелии производился точно так же, как он производится после введения частной собственности на землю. Но этот прибавочный продукт ранее целиком принадлежал земледельцу.

Завершает Смит эту главу суждением о том, что «Но не существует страны, в которой весь годичный продукт употреблялся бы только на содержание лиц, занятых трудом. Повсюду значительная часть этого продукта потребляется праздными людьми; и в зависимости от различной пропорции, в какой продукт ежегодно распределяется между этими двумя классами людей, его обычная или средняя стоимость должна ежегодно возрастать, или уменьшаться, или оставаться из года в год неизменной» [8, С. 50].

Это суждение, как представляется, имеет важное значение для понимания экономического организма государства. Во-первых, производимый в стране годичный продукт, т.е. совокупная потребительная стоимость в натуральном выражении, потребляется не только классом людей, занятых производством этого годичного продукта. Часть этой стоимости потребляется праздными (не принимающими в производстве конкретного участия) людьми, как классом людей. Во-вторых, потребление продукта между двумя классами людей идет в соответствие с пропорцией, «в какой продукт распределяется». Стало быть, задачей экономической науки является не только изучение законов созидания «годичного продукта», как годичной стоимости. Не менее важной задачей является выявление правильности распределения этого годичного продукта. Под правильностью распределения здесь понимается не только установление реального вклада участников производства в ту или иную долю годового продукта (стоимости), но и *эффективность* использования той части этой стоимости, которая превышает потребности участников производства.

Как показано выше, во времена Смита еще не было достаточного уровня знания для решения этой весьма сложной проблемы. Вследствие этого, Смит переходит к рассмотрению поведения цен товаров на рынке. Ведь жизнь, не важно, решена теоретическая проблема или нет, диктует свои правила. Но эти правила устанавливаются на рынке не потому, что они объективны, а потому, что они вынужденно принимаются участниками

рынка под давлением различных обстоятельств. Из этих обстоятельств выделяются два – объективная потребность участников рынка в жизненно необходимых предметах потребления и разная степень влияния на распределение этих предметов, целиком и полностью определяемая сложившимися производственными отношениями между участниками производства потребительных стоимостей, включая зарплаты управленцев и прибыль частных владельцев.

Первое из них – объективно, так как, например, без пищи – невозможна жизнь любого из участников рынка.

Второе (производственные отношения) – в подавляющей степени зависит от субъективных факторов (степени родства, отношений к собственности на средства производства и случайностей, сопровождающих человека от рождения до смерти).

Эти аргументы позволяют считать, что отношения на рынке без решения вопросов об измеримости разнородных стоимостей, заведомо являются субъективными. В силу же субъективности, отношения на рынке являются заведомо антагонистическими как при сопоставлении интересов отдельных граждан государства, так и при сопоставлении интересов отдельных стран на международных рынках.

Главу VII «О естественной и рыночной цене товаров» Смит начинает словами: «В каждом обществе или каждой местности существует обычная или средняя норма как заработной платы, так и прибыли для каждого из различных приложений труда и капитала». И далее «В каждом обществе или каждой местности равным образом существует обычная или средняя норма ренты, которая, как я покажу в дальнейшем, тоже регулируется частью общими условиями общества или местности, где расположена земля, частью же естественным или искусственным плодородием почвы».

Последовательность фрагментов изложения и их терминология («заработная плата, капитал, прибыль» и только потом «рента, земля») свидетельствует о том, что во времена Смита в обществе доминировало мировоззрение, определяемое сложившимися в нем капиталистическими отношениями, отражаемыми соответствующими словами и понятиями. Поэтому, у Смита на первом месте стоит «заработная плата, затем капитал, прибыль» и только потом – «рента, земля». Меж тем вполне ясно, что исходным началом любой экономической деятельности является именно естественная рента земельная, определенная Петти в виде «остатка хлеба», как разница между количеством произведенного хлеба и количеством хлеба, истраченного крестьянином на свои нужды, включая обмен на платье и иные нужды. В данном случае «хлеб» выступает как некая абстракция производимых в сельском хозяйстве потребительных стоимостей.

Между тем, сам Смит прекрасно понимал, что

«После пищи одежда и жилище являются двумя главными потребностями человечества» [8, С. 127]. Но пища производится в сельском хозяйстве. Стало быть, фундаментом экономической деятельности является сельское хозяйство, величина естественной ренты которого определяет успешность государства. И эта величина определяется взаимодействием труда и почвенного плодородия.

Изложенные обстоятельства позволяют прийти к выводу о том, что размышления Смита в части поиска эквивалента обмениваемых стоимостей (только труд) уступают умозаключениям Петти о роли труда и земли в созидании стоимостей.

Далее Смит останавливается на ценообразовании товаров, поступивших на рынок: «Фактическая цена, за которую обычно продается товар, называется его рыночной ценой. Она может или превышать его естественную цену, или быть ниже ее, или же в точности совпадать с нею» [8, С. 52]. При этом Смит приходит к весьма важному наблюдению: «Собственный опыт каждого человека говорит ему, что цена полотна и сукна не подвержена столь частым и столь большим колебаниям, как цена хлеба. Цена одного рода товаров изменяется лишь в зависимости от изменений в спросе; цена другого рода товаров изменяется не только в зависимости от изменений в спросе, но и в зависимости от гораздо больших и гораздо более частых колебаний количества товара, доставляемого на рынок для удовлетворения этого спроса» [8, С. 55].

Из последнего фрагмента следует, что и на рынке цена товара устанавливается не благодаря ее «рыночной природе», а только благодаря тому, что поступившего на рынок *хлеба* и иных товаров стало больше или меньше, чем его поступало раньше. Но большее или меньшее количество товара определяется не рынком, а производством. Стало быть, причина изменения цен на рынке целиком и полностью диктуется производством товаров, сущность которого осталась неразгаданной в исследованиях Смита.

Устранению недоработок Смита посвящена работа выдающегося английского экономиста Давида Рикардо (1772–1823). В предисловии к своему исследованию экономического организма государства Рикардо пишет: «Продукт земли, – всё, что получается с её поверхности путём соединённого приложения труда, машин и капитала, – делится между тремя классами общества, а именно: владельцами земли, собственниками денег или капитала, необходимого для её обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается».

«Но доли всего продукта земли, – пишет Рикардо, достающиеся каждому из этих классов под именем «ренты», «прибыли» и «зарботной платы», весьма различны на разных стадиях общественного развития, в зависимости главным образом от уровня *плодородия* почвы, накопления капитала и роста населения, от квалификации и *изобретательности* работников и от орудий, при-

меняемых в земледелии.

Определить законы, которые управляют этим распределением, – главная задача политической экономии. Как ни обогатили эту науку исследования Тюрго, Стюарта, Смита, Сэя, Сисмонди и других, всё-таки объяснения, которые они дают относительно естественного движения ренты, прибыли и заработной платы, весьма мало удовлетворительны» [9, С.30].

Из этого ясного умозаключения следует, что основу экономической деятельности государства Рикардо усматривал в создании продукта земледелия. При этом Рикардо, как один из классиков экономической науки, установление законов распределения этого продукта относил к «главной задаче политической экономии».

В этом же суждении Рикардо первым из экономистов-теоретиков отмечает участие в производстве неких изобретателей и создаваемых ими орудий, как не имевших место в природе. В главе «О машинах» Рикардо пишет: «Если изложенные взгляды верны, то из них вытекают следующие выводы: Во-первых, *изобретение* и полезное применение машин всегда приводят к увеличению чистого продукта страны, хотя в короткий промежуток времени они не могут увеличить, да и действительно не увеличивают, стоимость этого чистого продукта.

Во-вторых, увеличение чистого продукта страны совместимо с уменьшением её валового продукта. Стимул к введению *машин* всегда достаточно велик, чтобы обеспечить их применение, если последнее приводит к увеличению чистого продукта, хотя в то же время введение их может, да часто и должно, уменьшить как количество валового продукта, так и его стоимость.

В-третьих, мнение, которого придерживается трудящийся класс, что применение машин часто наносит большой ущерб его интересам, не основано на предрассудке или заблуждении, а соответствует правильным принципам политической экономии.

В-четвёртых, если улучшенные средства производства вследствие применения машин увеличат чистый продукт страны в такой большой степени, что уменьшения валового продукта не последует (я всегда при этом подразумеваю количество товаров, а не их стоимость), то улучшится положение всех классов. Землевладелец и фабрикант выиграют не только вследствие увеличения ренты и прибыли, но и вследствие выгод, получаемых от того, что они будут расходовать ту же самую ренту и прибыль на товары, стоимость которых значительно понизилась. Положение же трудящихся классов также значительно улучшится: во-первых, вследствие увеличения спроса на *домашнюю прислугу*; во-вторых, вследствие того, что изобилие чистого продукта создаёт стимул к сбережениям из дохода, и, в-третьих, вследствие понижения цен всех предметов потребления, на которые расходуется их зара-

ботная плата» [9, С. 322]».

В этом пространным умозаключении Рикардо впервые отмечает факт увеличения чистого продукта, как разницы между валовым продуктом и потребленным для производства продуктом, благодаря использованию машин. По Рикардо, рабочие, высвобождающиеся из производства, могут устроиться в качестве прислуги. Однако вполне ясно, что количество прислуги ограничивается количеством собственников средств производства. Стало быть, применение машин при капиталистическом строе всегда приводило и приводит к росту безработицы и росту материального благосостояния владельцев машин. Поскольку вначале эры капитализма применение машин носило лавинный характер, постольку это приводило и к соответствующему росту количества безработных и еще большему количеству голодающих за счет семей безработных. Как следствие – голодные бунты и движение луддитов – разрушителей машин [10].

В идеале (машины вытесняют из производства всех рабочих) научно-технический прогресс становится как бы бессмыслицей. С одной стороны, люди в производстве становятся ненужными. Но тогда не нужна и пища, как максимально оставшийся «чистый продукт». С другой стороны, отсутствие пищи делает бессмысленным само существование человека. Но поскольку с этим весьма трудно смириться, постольку противоречие Рикардо назовем проблемой прогресса, или проблемой Рикардо.

Распределение «продукта земли» (потребительных стоимостей) – наступает после завершения стадии их производства. Поэтому Рикардо, вслед за Смитом анализирует стоимость с позиций ее созидания в производстве и с позиций распределения между владельцем земли, собственником капитала и тружениками. По мнению Рикардо «ничто не порождало так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неопределенность понятий, которые связывались со словом «стоимость»» [9, С. 35].

Рикардо подвергает добротной критике выводы Смита об измеримости стоимостей трудом. Но не трудом вообще, а затраченным трудом и его относительным значением при производстве разных товаров.

В «Капитале» Маркс основательно перерабатывает исследования своих предшественников с позиций исторического материализма и диалектики. Это позволяет ему открыть фундаментальный закон развития человеческого общества. Согласно закону уровень развития общества определяется сложившимися в нем производственными отношениями и производительными силами. Само человеческое общество проходит ряд общественных формаций (дикость, первобытнообщинный строй, феодальный строй, капиталистический строй), что подтверждается историей. В основе смены – несоответствие производственных отношений уровню производительных сил, что ограничивает

развитие общества в целом. Под производственными отношениями он понимает отношения между владельцами средств производства и производительными силами в лице непосредственных производителей материальных благ, определяющими производство благ и их распределение. Он утверждает, что сложившиеся в предыдущей формации производственные отношения сдерживают развитие производительных сил. Уход старой формации позволяет перейти на новый уровень развития производительных сил, при котором в новой формации достигается более высокий уровень использования чистого продукта для развития производительных сил.

Маркс подвергает критике исследования предшественников по теории стоимости. В отношении Рикардо он пишет: «Наконец, выступает Рикардо и кричит науке: стой! Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы – понимания ее внутренней органической связи и жизненного процесса – есть определение стоимости рабочим временем. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчет в том, насколько остальные развитые, выясненные ею категории – отношения производства и обращения – соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту... В этом-то и заключается историческое значение Рикардо для науки...» [11, С. 8].

Из заключения Маркса о Рикардо следует, что выводы Маркса основаны на убежденности в том, что Рикардо удалось научно выявить меру обмениваемых на рынке стоимостей. А раз определена эта мера в виде затрат труда (рабочего времени) на все компоненты стоимости при ее производстве, то не трудно перейти к обоснованию неверности распределения потребительных стоимостей при капитализме. Вполне естественно, что Маркс проверяет исследования Рикардо и доводит их почти до совершенства.

Так, от умозаключения Рикардо о полезности машин Маркс впервые в экономических исследованиях указывает на исключительную важность науки и изобретений. В разделе V. *экономика, достигаемая благодаря изобретениям* «Капитала» Маркс пишет: «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» [11, С. 116].

Однако вполне ясно, что воплощенное в материальный объект открытие или изобретение и доведенное до стадии применения являет собой средство производства. Его значение целиком и полностью определяется количеством высвобождаемых из сферы созидания стоимостей людей. Стало быть, выявление сущности участия средств производства в созидании стоимостей является актуальным. Но у изобретенного средства есть авторы. Следовательно, доля произведенной стоимости должна каким-то образом поступать и автору, и тем, кто доводит изобретение до промышленного

освоения. Среди этих «доводчиков» – конструкторы, рабочие, создатели новых материалов и отдельных узлов, технологи и иные специалисты (работники прогресса).

При этом, как отмечает Маркс, «1) В большой разнице между издержками первоначальной постройки новой машины и издержками её производства в последующем, о чём писали Юр и Баббедж 40.

2) В том, что издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий, возникших на его развалинах, *ex suis ossibus* *. Этот момент настолько значителен, что предприниматели-пионеры в своём большинстве терпят банкротство, и процветают лишь их последователи, которым строения, машины и т. п. достаются по более дешёвым ценам. Именно поэтому наибольшую выгоду из всех новых достижений всеобщей работы человеческого ума и их общественного применения, осуществляемого комбинированным трудом, в большинстве случаев извлекают самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала» [11, С. 116].

Однако Марксу не удается довести до полной ясности участие средств производства в созидании стоимости. Так, Маркс утверждает «Стоимость – это труд. Поэтому земля не может создать прибавочной стоимости» [12, С. 887].

Это утверждение является следствием привязки Маркса к труду людей, непосредственно занятых в производстве стоимости, и к земле. И эта привязка, в том числе, обуславливает затруднение Маркса, проявившееся при исследовании стоимости, создаваемой в сельском хозяйстве. В частности, он пишет: «Как велико количество труда, представленное в одном шеффеле, это зависит от того, какое количество шеффелей доставляется данным количеством труда. От производительности земли здесь зависит, в каких количествах продукта представлена стоимость; но эта стоимость дана независимо от такого распределения. Стоимость представлена в потребительной стоимости; а потребительная стоимость есть условие созидания стоимости; но глупо делать противопоставление там, где на одной стороне стоит потребительная стоимость, земля, а на другой стороне – стоимость, и притом еще особая часть стоимости. 2) {Здесь рукопись обрывается.}» [12, С. 889].

В этом умозаключении Маркса содержится явное противоречие. Ведь совершенно ясно, что равное количество труда на землях с разным плодородием приносит разное количество шеффелей зерна. Стало быть, аграрная стоимость «зерно» не измеряется трудом.

Вместе с тем, открытие Марксом причины смещаемости общественных формаций никак не отменяются затруднениями в выявлении природы меры стоимости. Вполне ясно, что если стоимость, как

экономическая категория и особенно ее прибавочная часть, измеряется только трудом, то это лишь упрощает понимание большинством граждан неизбежности смены капитализма социалистическим строем, при котором эта прибавочная часть будет делиться как бы поровну между участниками производства.

С этим не соглашается австрийский экономист Беём-Баверк (1851 – 1914) [13]. Из его умозаключений о ценности (стоимости) следует, что стоимость, определяется не производством, а полезностью. Полезность же, по его мнению, определяется в ходе обмена «меновых ценностей» (тоже самое, что и «меновая стоимость») на рынке. Однако вполне ясно, что до поступления на рынок «Меновая ценность» должна быть произведена. И в этом заключается объективность «меновых стоимостей», природа измеримости которых лежит именно в производстве. Обмен на рынке лишь подтверждает, что у обмениваемых товаров есть эквивалент, природа которого спрятана в производстве разных по материальной сущности «потребительных стоимостей». Но Беём-Баверк не исследовал экономический организм, как это делали Аристотель, Петти, Смит, Рикардо и Маркс. Он лишь, как ученик Менгера, попытался свести эту реальность к рынку, как к главному пункту практической и теоретической экономики. Перед ним, как наблюдателем капитализма, была налицо установившаяся практика – «прибавочную стоимость» в денежном выражении присваивает собственник средств производства. Поскольку, денежный эквивалент поступает капиталисту с рынка, постольку для Беём-Баверка является как бы «ясным», что этот эквивалент рождается на рынке, а не в производстве.

Однако, то, что является «ясным» для Беём-Баверка, не является очевидным. Действительно, рынок не является источником объекта «прибавочная стоимость». Прибавочная стоимость, как материальный объект, реально образуется в производстве в виде избытка над издержками производства, измеряемыми натуральным потреблением в производстве жизненно необходимых благ. Вместо вскрытия сути источника прибавочной стоимости, Беём-Баверк занялся размышлениями о «субъективной» и «объективной» ценности, привязанными к рынку, через который капиталист как бы получает законно принадлежащую ему прибавочную стоимость в виде ее денежной формы. В аллегорической форме глупость разъяснений Беём-Баверка, по свидетельству Н.И. Бухарина, дал А.Л. Парвус: «Настоящая ценность и будущая ценность – чего этим нельзя доказать?! Если кто-либо, угрожая насилием, отнимает у другого его деньги – что это такое? Разбой? Нет, – должен был бы сказать Беём-Баверк, – это только правомерная меновая сделка: разбойник предпочитает настоящую ценность денег будущей ценности небесного блаженства, а ограбленный предпочитает будущую

пользу сохранённой жизни настоящему значению своих денег» [14].

Но именно факт избытка вызывал у Маркса соответствующий вопрос к сути неразгаданного экономистами явления: «Трудность заключается в том, чтобы показать, откуда после того, как прибавочная стоимость выравнилась между различными капиталами в среднюю прибыль, в соответствующую их относительным величинам пропорциональную долю всей прибавочной стоимости, произведённой всем общественным капиталом во всех сферах производства, – откуда после этого выравнивания, после уже совершившегося очевидного распределения всей прибавочной стоимости, которая вообще может быть распределена, откуда же берётся ещё та избыточная часть этой прибавочной стоимости, которую капитал, вложенный в землю, уплачивает в форме земельной ренты земельному собственнику» [12, С. 850].

К сожалению, констатация Маркса – прибавочная стоимость определяется прибавочным трудом, – не решает проблемы превышения в производстве совокупной величины благ над затраченными в производстве издержками на содержание труда.

Создание очередной версии теории стоимости предпринял А. Маршалл (1842–1924). В его представлениях стоимость определяется как издержками в производстве, так и ее предельной полезностью, которую устанавливает рынок [15]. В связи с этим, Маршалл писал: «Мы могли бы с равным основанием спорить о том, регулируется ли стоимость полезностью или издержками производства, как и о том, разрезает ли кусок бумаги верхнее или нижнее лезвие ножниц» [15, т. 2, С. 31 – 32].

Но мы уже знаем, что Маркс не преодолел найденных им затруднений. Стало быть, как не обозначай в производстве издержки по созданию стоимостей, этот учет в виде арифметических действий по их сложению не ведет к разгадке феномена прибавочной стоимости. Еще дальше от этого стоит гипотеза об источнике прибыли капиталиста в виде так называемой предельной полезности, лежащей вне производства. Т.е. оба «лезвия» ножниц Маршалла не определены. Стало быть, отнесение размышлений Маршалла к неоклассике – есть питание надежд на заранее неосуществимые иллюзии. Эти иллюзии подчеркиваются Кейнсом:

1. «Корни прославленного оптимизма традиционной экономической теории, приведшего к тому, что экономисты стали выступать в роли Кандидов, которые, удалившись из мира для обработки своих садов, учат, что все к лучшему в этом лучшем из миров, лишь бы предоставить его самому себе» [16, С. 39];

2. «Пока экономисты занимаются так называемой Теорией Стоимости, они обычно учат, что цены определяются условиями спроса и предложения и что, в частности, особую роль играют изменения в предельных издержках производства и эластичность предложения в краткосрочном аспекте. Но

когда они потом во втором томе или чаще в отдельном трактате переходят к Теории Денег и Цен, мы не слышим более ничего об этих простых и доступных понятиях, а уходим с головой в мир, где цены определяются количеством денег» [16, С. 272];

3. «Я считаю неправильным деление Экономической Науки на Теорию Стоимости и Распределения, с одной стороны, и Теорию Денег – с другой» [16, С. 272].

Нетрудно убедиться, что в совокупности эти суждения напрямую относятся именно к размышлениям Маршалла. Стало быть, что следует из суждений Кейнса, Маршалл ничего фундаментального для экономики не обнаружил.

В то же время, размышления Кейнса, как певца централизованного государства с эвтаназией рантье (банкиров – ТОВ), мешающей достижению полной занятости, хотя и нашли одобрение у фюрера первого в мире тоталитарного капиталистического государства, не содержат оснований для отнесения размышлений Кейнса к цельной экономической теории, раскрывающей экономическую деятельность как системное явление деятельности общества.

Сам Кейнс уклонился от рассмотрения сущности накопленных в политической экономии противоречий [17]. С другой стороны, отрицание Кейнсом возможности построения экономической теории на основе решения поставленной Аристотелем задачи и предложение вместо этого подхода решения задачи достижения полной занятости через склонность к потреблению и инвестиции, так же не привели к пониманию процессов в экономическом организме общества. Не исправило этого положения и неокейнсианство.

Необходимо отметить, что до 19 века потребности в продукции села для имевшегося в Европе количества людей не превышали возможностей сельского хозяйства, ведущегося по трехпольной системе. Но, начиная с 19 века, население Европы стало заметно увеличиваться. Выведение паров под пашню не спасало. Из-за снижения плодородия количества чистого продукта становилось все меньше. К этому времени французский экономист Тюрго (1727 – 1781) сформулировал так называемый «закон» убывающего плодородия – «У. п. п. з.» [18]. В последующем А. Маршалл, Дж. М. Кейнс, Дж. Б. Кларк и др. трактовали У. п. п. з. как якобы единый для экономики закон убывающей производительности.

Исследования в духе традиционной политической экономии были продолжены Шумпетером. Он подчеркивает особую важность для производства нововведений (изобретений) и их носителей. Поскольку, результатами нововведений, в силу отмеченных Марксом особенностей их освоения в промышленности при капитализме, в конечном счете, пользуются лишь владельцы средств производства и денежного капитала, постольку Шумпетер посчитал, что это сдерживает разви-

тие производительных сил капиталистического общества. Стало быть, по-Шумпетеру, капитализм сменится не потому, что он плох эксплуатацией рабочих, а только потому, что сложившиеся при нем производственные отношения мешают развитию производительных сил, что выражается в безудержном росте инфляции и ограничивает развитие человеческого общества.

Так, Шумпетер писал: «В своем диагнозе Маркс ошибался относительно того, каким способом произойдет крушение капиталистического общества; но он не был неправ, предсказывая, что со временем оно потерпит крушение» [19, С. 540].

О недостатках капиталистической системы хозяйствования свидетельствует современный глубокий финансовый, экономический и сельскохозяйственный кризис.

Маркс довел экономические исследования до предельного для его времени уровня. Однако, исследования в «Капитале» из-за отсутствия во времена Маркса необходимых знаний о сути почвенного плодородия, не были доведены до выявления основного средства в сельском хозяйстве и сути его участия в производстве материальных благ. Метод исчисления издержек не был достаточным для вскрытия сущности участия главного средства в производстве пищи. Размышления Маркса о том, что «... простое возделывание земли вообще, если только оно ведется до некоторой степени рационально. То есть не сводится к грубому истощению почвы, как было, например, у прежних американских рабовладельцев» [20, С. 149], носят противоречащий практике земледелия характер. Поскольку, плодородие почвы всегда снижается пропорционально выращенному урожаю, постольку оно должно восстанавливаться.

Вместе с тем, необходимо отметить, что экономические исследования классиков являются логичным развитием начал теории экономической деятельности и обмена, положенным в трудах Гесиода, Ксенофонта и Аристотеля. Главным в этих исследованиях является установленный первыми исследователями факт – ценность потребительных и меновых стоимостей определяется сферой их производства. Суть (природа) эквивалентности обмениваемых на рынке меновых стоимостей (товаров) определяется сутью производства этих стоимостей, так или иначе, определяемых явлениями, связанными с трудом и землей.

И на этом пути классики политической экономии в лице Монкретьена, Петти, Смита, Рикардо и Маркса действительно заложили основы политической экономии, как науки о производстве и распределении потребительных стоимостей в человеческом обществе.

К сожалению, констатация снижения плодородия и «убывающей производительности» не является эквивалентом причин этого снижения.

Для их выявления нам придется обратиться к истории науки.

Так, применение минеральных удобрений, оправдываемой теорией минерального питания (1840) Либиха, как бы позволило сократить количество полей, находящихся под паром. Однако рост количества применяемых удобрений и рост площади пашни не давали пропорционального увеличения чистого продукта в расчете на единицу вводимых средств производства. Причины этого феномена, как оказалось, лежали вне экономики.

Внутри же науки «Экономика» пониманию сущности истощения почвы мешало и мешает заблуждение, отраженное в современных учебниках по экономике: «Земля-главное средство производства в сельском хозяйстве, которое не изнашивается» [21].

О том, что отнесение земли к основным средствам является заблуждением, доказывается самим фактом отнесения земли к не изнашиваемой субстанции. Ведь к экономической категории «Основное средство» можно относить только те средства, которые, в соответствии с экономической теорией, должно по частям переносить свою стоимость на производимую «стоимость».

Как оказалось, главным средством производства в сельском хозяйстве является не земля, а почвенное плодородие [22]. Именно «почвенное плодородие» отвечает всем признакам экономической категории «основное средство», ибо в процессе выращивания урожая уровень плодородия падает, что эквивалентно износу. Для восстановления плодородия необходимо затрачивать человеческий труд через создание технологического оборудования, обеспечивающего возврат органического вещества урожая, пошедшего на корм животным. Т.е. восстановление требует затрат труда и орудий труда. Стало быть, при выращивании очередного урожая, восстановленное плодородие снова упадет, и его снова придется восстанавливать. Значит, «почвенное плодородие» и изнашивается, и восстанавливается. И именно почвенное плодородие наряду с затратами труда определяет урожай. Средства в денежной форме, необходимые для восстановления «почвенного плодородия», есть не что иное, как «амортизационные отчисления». К сожалению, этого самостоятельно экономисты не могли обнаружить. Решение задачи усложнилось тем, что в 1840 г. с подачи немецкого ученого химика Либиха истощение земли стали восполнять искусственными минеральными удобрениями. Казус, который в полном объеме был выявлен лишь в 1999 г., заключался в том, что минеральные удобрения из-за балласта угнетают почвенную биоту (многочисленные микроорганизмы), являющуюся создателем почвенного плодородия. Другими словами, минеральные удобрения не восстанавливают плодородие, а, наоборот, его угнетают. Суть же плодородия состоит в том, что **биота** почвы, со дня образования жизни на земле, «добывает» из минералов почвы питательные вещества для растений, переводя их в усвояемые для растений формы.

В минеральной части почвы на 1 гектаре только в пахотном слое находится до 100 тонн веществ в пересчете на азот, фосфор и калий, не говоря о микроэлементах. Т.е., в почве есть все. И внесение в почву искусственных минеральных солей, с экологической и экономической точек зрения, – есть занятие противоестественное и ущербное. К издержкам на приобретение удобрений добавляется их вред почвенному плодородию. Биота в естественных условиях для осуществления своего предназначения нуждается в органическом веществе. Таким веществом является урожай, который в сельском хозяйстве большей частью идет на корм скоту и птице и превращается в навоз. Стало быть, для воспроизводства почвенного плодородия вместо минеральных удобрений необходимо было возвращать органическое вещество навоза и помета. К такому выводу удалось прийти благодаря открытиям российских ученых с 1866 г. по 1999 г., позволивших выявить закон **круговорота** органического вещества, имеющего определяющее значение и для экологии, и для экономики [23, 24].

Вместе с тем, как показали исследования процесса созидания урожая Y (стоимости аграрной C_A), урожай создается благодаря произведению факторов [25]:

$$Y = C_A = k \cdot \Phi_T \cdot \Phi_{II} \cdot \dots \cdot \Phi_n \quad (1)$$

где k – коэффициент соответствия; Φ_T – фактор труда; Φ_{II} – фактор средства производства; Φ_n – иные факторы.

Выражение (1) отображает механизм, предсказанный Петти: «труд есть отец и активный принцип Богатства, а земля его мать». В этом выражении, при прочих равных условиях внешней среды, определяющими являются фактор труда Φ_T и фактор основного средства Φ_{II} (в сельском хозяйстве – фактор естественного почвенного плодородия).

Приведенное выражение позволяет понять, что до 19 века полученная в сельском хозяйстве Европы совокупная стоимость в виде совокупного продукта земледелия и животноводства превышала затраты, сводимые по объему лишь к части совокупного продукта, расходуемого на фактор труда. Однако в последующем перевод паров в пашню и минеральные удобрения не исправили ситуации в капиталистической экономике. Причина, как описано выше, заключалась не в У.П.П.З., а в неправильном ведении земледелия из-за заблуждений ученых и политики, построенной на этих заблуждениях. Политика государства поощряла индустрию и применение минеральных удобрений и на первых порах приводила как бы к увеличению чистого продукта. Но в последующем привела к его снижению в расчете на затраты на «прогресс» сельского хозяйства и, по сути, эта политика являлась и является губительной для всего человеческого сообщества. Объясняется это вредным воздействием минеральных удобрений на биоту почвы, что ведет, в конечном счете, к снижению плодородо-

дия до нуля. С позиций формальной экономической логики ситуация в сельском хозяйстве, следуя У.п.п.з., описывается функцией Гаусса, отображаемой куполообразной кривой на рис.1:

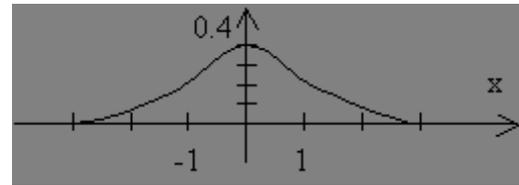

Рис. 1.

На самом же деле, при ведении земледелия через соблюдение в нем закона круговорота органического вещества путем возврата органического вещества в почву, количество получаемой в сельском хозяйстве продукции на все времена будет определяться только количеством плодородных земель и средней для данной местности урожайностью.

Из сопоставления описанных воззрений греческих исследователей с исследованиями классиков следует, что экономическая деятельность этими исследователями рассматривалась как прямая функция государства. Регулятором этой деятельности выступало государство, а не управленческая надстройка, как это представляется в вульгарном смысле. Именно государство через разработку, принятие законов и надзор за их исполнением, включая вопросы научно-технического развития, является регулятором экономики. Однако такая, абсолютно органичная для государства экономическая деятельность только тогда имеет положительное следствие в виде устойчивой во времени экономики, когда в основе политики государства лежат выверенные научные и практические положения, соответствующие объективным законам бытия живой и неживой материи, включая положения экологии.

В соответствии с этим можно полагать, что успешность экономической деятельности государства можно оценивать периодом времени, в течении которого не происходит снижение обеспечения граждан жизненно необходимыми потребительными стоимостями.

История свидетельствует, что наиболее длительным периодом существования отличается Древнее Египетское государство. Оно фактически просуществовало со второй половины IV тысячелетия до н. э. до конца VI в. до н. э. [26]. Основой экономической деятельности этого государства являлось сельское хозяйство. В нем земля принадлежала государству в лице царя (фараона). Крестьяне трудились на полях, охваченных единой ирригационной системой, самой большой в истории человечества рукотворной технической и технологической системой. За состояние ирригационной системы на местах отвечали крестьяне, объединенные в общины. За распределительные узлы

воды между общинами были ответственны чиновники регионального уровня (номы). Крестьяне, руководители общины и номы несли прямую ответственность перед царем-фараоном в соответствии с принятыми в государстве законами.

Не трудно заметить, что в Древнем Египте установившаяся на практике национальная собственность на главные средства производства в виде ирригационной системы и почвенного плодородия, восстанавливаемое разливами реки Нил, имело в экономике абсолютный приоритет над частным (доктрина Платона). Управление экономикой осуществлялось за счет натуральных налогов (30 % от урожая), большей частью направляемых на поддержание на должном уровне технического состояния ирригационной системы. В силу этого налоги не приводили ни к инфляции, ни к особой дифференциации в уровне жизни граждан в силу практически одинаковой урожайности земель, охваченных единой ирригационной системой, выравнивающей плодородие этих земель за счет ежегодных разливов реки Нил. По сути, природные условия Древнего Египта позволяли уравнивать участки земель по их «экономической стоимости» (проблема Петти) и естественным путем приводили к устойчивости экономического организма, в котором экономическая мощь государства на протяжении тысячелетий определялась «невидимой рукой» общего блага, организующей труд крестьян, как большинства населения.

Не трудно заметить, что Древний Египет отвечал большинству воззрений экономиста Кейнса [16]. Это государство было централизованным с всеобщей занятостью. Инвестиционная политика государства была полностью связана с поддержанием ирригационной системы, как основного жизнеобеспечивающего средства производства. В стране отсутствовали, в виду ненадобности, частные банки. Правда, главное основное средство государства почвенное плодородие поддерживалось поступлением органического вещества с верховий Нила. Разливами этой же реки одновременно предотвращалось иссушение почвы. Все перечисленные признаки позволяли поддерживать для того времени наивысшую в мире экономическую устойчивость и мощь государства, гарантировавшую безопасность населения от посягательств соседних государств.

Но как только разливы Нила стали уменьшаться, так снизилось получение чистого продукта земледелия и управленцы захотели частной собственности. Как следствие взаимодействия этих двух стихий Древний Египет, как объединение двух царств, исчез.

В 753 году до н. э. возникла Римская Империя, прекратившая свое существование в 476 году н. э. Основу экономического организма этого государства составляло сельское хозяйство. Часть земледелия велась на основе свободного землепользования гражданами империи, а часть – с использованием

труда рабов. Рабы, как рабочая сила, и часть пищевой продукции добывались в завоевательных походах. В отличие от Египта, в Древнем Риме почвенное плодородие полей пытались восстанавливать ископаемыми минеральными удобрениями. Историки отмечают, что к закату Римской империи урожайность стала снижаться и сократились площади обрабатываемых полей.

С учетом представленных сведений о плодородии и производительных силах, можно утверждать, что в основе разрушения экономики сельского хозяйства и самого Древнего Рима, как государства, лежало ущербное для почвенного плодородия ведение земледелия и неполная занятость в экономике коренного населения, подменяемого рабами.

В 1917 году на территории царской России возникло социалистическое государство СССР. После изнурительных лет интервенции, гражданской войны и коллективизации с индустриализацией земля перешла частью в общенародную собственность, и частью была передана в вечное пользование коллективам крестьян (колхозам). Фактически подавляющее количество населения было занято в производстве потребительных стоимостей в сельском хозяйстве и промышленности. На налоги с трудящегося населения государство создало централизованный аппарат управления народным хозяйством в лице министерств и государственного планового комитета. Расширились площади за счет залежных земель в Предуралье и Западной Сибири. Это позволило с 1929 г. по 1939 г. полностью обеспечить пищей население страны. За счет вовлечения в производство подавляющей массы граждан прибавочный продукт достиг максимально возможных для России величин. Это позволило охватить население бесплатным образованием по всем направлениям народного хозяйства и бесплатным медицинским обслуживанием. Благодаря этому Россия обогнала Европу по темпам роста экономики и многим показателям сельскохозяйственного и промышленного развития. Историки отмечают, что победа в тяжелой Великой Отечественной Войне была одержана благодаря обобществлению земли и передаче ее колхозам [27].

Но, начиная с 1953 г., эффективность инвестиций и инноваций в сельское хозяйство СССР стала снижаться. Памятью о роли науки, советское правительство попробовало побудить сельскохозяйственную науку к активизации деятельности по выявлению причин указанного снижения [28, 29, 30]. К сожалению, активизации исследований достичь не удалось. Сказалась сила заблуждений. Как следствие, практически все экономисты, бывшие марксистами, стали склоняться к мысли о том, что падение рентабельности в сельском хозяйстве обуславливается снижением заинтересованности колхозников в результатах труда из-за отсутствия частной собственности на землю. Однако анализ этой мысли показал, что приводимые доводы в ее обоснование свидетельствуют об их весьма вуль-

гарном и примитивном уровне [31, 32, 33].

Для понимания сущности причин снижения эффективности инвестиций в село в СССР напомним, что в социалистическом государстве, как и в остальном мире, сельскохозяйственная наука рекомендовала применять минеральные удобрения на основе принятой к этому времени теории минерального питания Либиха [34, 35]. И на этом пути в СССР только с 1960 г. по 1987 г. довели внесение минеральных удобрений на 1 га пашни с 12,2 кг до 121 кг. Но, несмотря на десятикратное увеличение дозы, количество зерна увеличилось со 125,5 млн. т в 1960 г. до 211,4 млн. т в 1987 г [36]. Такие показатели свидетельствуют, а приведенные обоснования о роли органического вещества в земледелии позволяют понять, что теория минерального питания и основанная на ней практика – являются заблуждениями наук и основанной на них политике. И именно эти заблуждения привели к гигантскому росту применения удобрений в СССР в коротком периоде, что незамедлительно сказалось на снижении почвенного плодородия, как главного средства производства в сельском хозяйстве. Для его восстановления необходимо было использовать органическое вещество урожая, переходящего в СССР в более чем 2 миллиарда тонн навоза и фекалий населения. Навоз же, отнесенный к отходам, сельскохозяйственная наука предлагала компостировать. При компостировании органическое вещество навоза сгорало и уже не могло быть использовано для воспроизводства почвенного плодородия. Поэтому, как следует из формулы (1), политика химизации сельского хозяйства в СССР через увеличение применения минеральных удобрений привела к деградации плодородия и к вполне детерминированному результату – разрушению экономики и СССР.

В капиталистических странах наблюдалась та же самая деградация в сельском хозяйстве. Но, благодаря международной торговле по Кейнсу [16], капитализм решал свои проблемы за счет третьих стран, из которых вывозилось сырье, включая мясо, и корма для животных.

Изложенное позволяет утверждать, что степень успешности экономической деятельности по созданию потребительных стоимостей определяет устойчивость государства во времени. В свою очередь, как это следует из работ основоположников политической экономии от Монкретьена до Маркса с учетом исследований Кейнса и Шумпетера, идеальная экономическая деятельность может быть обеспечена только максимальной занятостью населения и научно-техническим прогрессом, исключая отрицательное воздействие на экологию. Успешность земледелия и животноводства уже в древнее время определялась развитием представлений о плодородии земель, состоянием дорог, состоянием научно-технической мысли, зарождением промышленного производства средств для земледелия. Безопасность экономиче-

ской деятельности от возможного посягательства соседних государств определялась состоянием армии. Учитывая же необходимость содержания части населения, теряющей способность к производительному труду и службе в государственных органах и армии, можно полагать, что именно государство, по мере его развития, становится основой всей его экономической деятельности. Но результат этой деятельности даже при полной централизации государства и полной занятости населения, как это было в Древнем Египте и СССР, не спасли эти государства от небытия из-за отсутствия знаний о сути почвенного плодородия, как основного средства производства, «изобретенного» природой.

Сегодняшний уровень знаний вполне достаточен для нормального развития человечества без войн. Выявлены научно-институциональные ловушки, включая устаревшие положения наук, воспроизводимые в головах граждан через образование [37]. По Нурту необходимо срочно избавляться от этих ловушек. Дополнительно придется преодолеть недобросовестную конкуренцию между учеными и цивилизациями и поработать над переводом конкуренции между носителями устаревших научных положений внутри цивилизаций и носителями новых знаний в русло обязательных **дискуссий**, что позволит приступить к решению перезревших проблем голода мирным способом за счет создания условий для беспрепятственного освоения новшеств [38]. Задержка и создание помех на пути апробации нововведений наносит ущерб всему обществу. И, как отметил Рикардо, «Введению машин нельзя безнаказанно чинить препятствия ни в одном государстве; если бы капиталу мешали получить наибольший чистый доход, который может доставить применение машин на родине, он переместился бы за границу, а это ослабило бы спрос на труд в более серьезной степени, чем самое широкое применение машин. Пока капитал применяется внутри страны, он должен создавать спрос на некоторое количество труда» [9, С. 326].

По Петти экономику ослабляет и торговля на рынке: «Вследствие того, что значительная часть поместий, как недвижимого их имущества, так и движимого, принадлежит в Ирландии лицам, не проживающим на месте, и таким, которые увозят полученные в Ирландии доходы, ничем не возмещающая их. Таким образом, получается тот парадокс, что Ирландия, экспортируя больше, чем она импортирует, тем не менее, все больше беднеет» [7, С. 18].

Приведенные обоснования позволяют утверждать, что мысль «о невмешательстве государства в экономику» эквивалентна мысли: «Мозг человека, его нервная и иммунная системы не должны вмешиваться в функционирование организма человека». Поскольку государство представляет собой социальный организм, постольку экономическая деятельность этого организма является следствием взаимодействия всех компонент этого организма.

В то же время, нормальное функционирование государства как эколого-экономической системы, невозможно без налогов, пропорциональных создаваемому чистому продукту (прибавочной стоимости), обеспечивающих функционирование управляющих органов, направленные на защиту интересов всего общества через содержание армии. Вполне ясно, что чем больше чистый продукт, тем больше налоги, тем успешнее государство. А количество прибавочной стоимости тем больше, чем эффективнее экономика. А экономика тем эффективнее, чем более совершенна научно-технологическая политика государства. А эта политика тем более совершенна, чем больше она опирается на положения наук, которые соответствуют природе изучаемых наукой явлений. И наоборот, чем больше в науке заблуждений, тем дальше от совершенства политика государства [38]. Значит, от заблуждений надо избавляться.

С другой стороны, как следует из истории, наука тем эффективнее, чем больше на ее теоретическую и прикладную части выделяется средств, пропорциональных чистому продукту, и чем меньше процветает в науке начетничество и недобросовестная конкуренция [39].

Стало быть, политика государства, как органичное и основанное на научных положениях управление экономикой, предполагает обязательное участие управленческого аппарата в экономике государства. Следовательно, тезис «государство не должно вмешиваться в экономику» – есть мысль вульгарная, а по степени не соответствия сущности экономической деятельности человеческого общества эта мысль – самая плоская мысль из всех мыслей, рожденных внутри экономической науки. Отмеченное – не есть главное «достоинство» этой мысли. Главное «достоинство» заключается в приведении государственного аппарата в состояние самоуспокоения и паралича, сопровождающихся спорадическими (волюнтаристскими) действиями по исправлению ухудшающейся ситуации, приводящей, в конечном счете, к социально экономическим трагедиям типа войн или распада государств.

С момента смерти Аристотеля прошло 2336 лет, но среди экономистов до сих пор не утихают споры о сути эквивалентности обмениваемых друг на друга на рынке (в сфере обращения) товаров и правильности распределения потребительных стоимостей.

Одни экономисты полагают, что в основе эквивалента лежит труд. Другие считают, что в основе эквивалента лежит полезность. Третьи же считают, что эквивалентом является то, что устанавливается на рынке. Являются дискуссионными и вопросы рационального распределения чистого продукта. На необоснованную привязку этого распределения к частной форме собственности на средства производства накладывается распределение части чистого продукта через налоги между членами государственных органов и непроизводящих отрас-

лей человеческой деятельности (армия, полиция, органы правосудия, культура). Изложенное затрудняет управление экономикой. Правительства государств, реализуя положение о невмешательстве государства в экономику, выводят отрасли образования, медицины, культуры из госбюджетного финансирования, в лучшем случае, оставляя налоги (процент от произведенного чистого продукта) без их уменьшения. Следовательно, количество потребителей этой налоговой части чистого продукта – падает. Стало быть, растет вознаграждение за ... невмешательство членов управленческих органов в экономику. Но такое вознаграждение *управленцев* является противоречащим как трудовой теории стоимости, так и рыночным принципам обмена и развитию производительных сил из-за уменьшения затрат на НИОКР. Как следствие – ухудшение показателей экономики, характеризуемое инфляцией. Исследования инфляции показали, что это явление является следствием потребления части чистого продукта теми гражданами государства, включая получающих зарплату за невмешательство, не имеют сущностного отношения, к производству стоимостей [40]. Значит, система распределения при капитализме приводит к уменьшению доли потребительных стоимостей (чистого продукта), которую можно направить на развития производительных сил.

Поскольку политика невмешательства противоречит сути экономики, отраженной в исследованиях классиков политической экономии, сути государства и ведет к ухудшению экономики и жизни граждан в целом, постольку правительства наиболее развитых государств, время от времени, нарушают рекомендации либеральных экономистов (неомонетаристов) по невмешательству. Но в науке «экономика» принято ошибочное положение о *земле*, как основном средстве производства, что не может привести к полезным рекомендациям науки. Следовательно, вмешательство правительства в сельскохозяйственную сферу не может дать и не даст положительных результатов, ибо является следствием некомпетентности науки и приводит к повторению ошибки СССР – экспорту ресурсов вместо технологического реформирования сельского хозяйства на основе новых знаний [41]. Стало быть, управление экономикой со стороны правительства предполагает его деятельность по преодолению научно-институциональных ловушек, как следствий заблуждений. Наиболее действенной мерой на этом пути является обязательность дискуссий и публикаций их результатов в случае обнаружение противоречий в науке любым из граждан государства [38].

Выводы: 1. В исследованиях Монкретьена, Петти, Смита, Рикардо и Маркса заложены основы экономической науки, выявившие, что экономическое развитие любого из государств определяется компетентностью производства и распределения потребительных стоимостей.

2. Величина чистого продукта тем выше, чем ближе к природному восстановлению почвенного плодородия, являющегося главным средством производства в экономике, и чем больше осваивается нововведений, способствующих повышению производительности труда. Однако перевод трудящегося населения в разряд прислуги является тормозом на пути развития экономики, так как не способствует полной занятости населения по Кейнсу [16, 17].

3. Гипотеза минерального питания растений, следующая из нее практика применения минеральных удобрений, отнесение навоза к отходам и биологическая переработка навоза и помета являются институциональными ловушками, нарушающими экологические законы Коммонера, что приводит к деградации плодородия, как главного средства производства в сельском хозяйстве и разбалансированию экономического организма государства.

4. Исследования показали, что без технологического реформирования сельского хозяйства через освоение в нем технологий воспроизводства естественного почвенного плодородия на основе соблюдения закона круговорота органического вещества достичь стабильного развития экономики невозможно. Следствие: без пищи – не до зрелищ [41].

5. Средство, служащее для массового производства стоимостей и рожденное при совместном труде творчески одаренных людей, конструкторов, инженеров, рабочих и управленцев, принадлежит всему обществу, ибо труд этих людей до стадии и в процессе освоения средства в производстве оплачивается исходя из соответствующей части налогов, направляемых государством на научно-техническое развитие, включая подготовку кадров. Стало быть, частная форма собственности на средства массового производства стоимостей не является следствием обособленного труда индивидуума. В науке «Экономика» не выявлено преимуществ частной формы собственности над формой государственной. Поэтому, распределение продукта по титулу собственности не обосновано. После освоения средства в производстве оно передается в фонд государства. Только авторы изобретений после освоения изобретений в производстве, как представляется, имеют право на вознаграждение, пропорциональное оговоренной государством доли от экономического эффекта.

6. Словосочетание «Участие государства в экономике» является абракадаброй, ибо экономика является неотъемлемой сущностной и главной составляющей деятельности государства. Состояние и развитие экономики целиком и полностью определяется научно-технической политикой государственных органов.

7. Наибольшие ущербы государству наносит осуществление научно-технической политики, основанной на положениях наук, несоответствующих сущности явлений в природе и обществе, и недобросовестная конкуренция среди ученых. К ошибочным положениям относятся: 7.1. Догма о мине-

ральном питании растений и вытекающая из нее практика производства и применения минеральных удобрений, 7.2. Идея «Неучастия государства в экономике», 7.3. Более десяти научно-институциональных ловушек [37], без преодоления которых развитие экономики и достижение продовольственной безопасности любого государства невозможно, 7.4. Отнесение земли вместо ее плодородия к средствам производства [22], 7.5. Технологии выведения органического вещества урожая из круговорота в сельском хозяйстве (биогаз, глубокая переработка зерна, компостирование), наносящие самый большой во времени ущерб государству [35, 41]. Заблуждения политической экономии, как науки, объясняют неэффективность экономической политики, но не могут служить ее оправданием.

Список литературы

1. *Тарханов О. В.* Бегство от голода: история реформ аграрных технологий и современные проблемы // *Истории мировой экономики*. 3 выпуск, – Институт экономики РАН, 2014.
2. *Тарханов О. В.* Голод и государство: Россия (1892 – 2014) – суть проблемы // *Экономика и управление: проблемы, решения*. – 2014. – № 11.
3. *Аристотель.* Сочинения. Издание Иммануила Беккера. Том IX. – Оксфорд, 1837. – с.99.
4. *Колумелла, Луций Юний Мозерат.* О сельском хозяйстве / *Крупеников И.А.* История почвоведения. – М.: Наука, 1981.
5. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о Галльской войне. – М., 1993.
6. *Монкретьен А.* *Traite de l'economie politique* (Трактат политической экономии), Руан, 1615.
7. *Уильям Петти.* «Трактат о налогах и сборах», 1662 г.
8. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства» (1776 г.). – М.: Соцэргиз, 1962.
9. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
10. *Васютинский В. А.* Разрушители машин в Англии. – М., 1929.
11. *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, – 1936. – с. 8-9.
12. *Маркс К.* Критика политической экономии. Процесс капиталистического производства, взятый в целом, Т.3. – Государственным издательством политической литературы, 1950.
13. *Boehm-Bawerk E.* Grundzude der Theorie des wirtschaftlichen Gutenwerts // *Conrads Jahrbucher fur Nationaloekonomie und Statistik*. 1886. В кн.: Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. – М.: Экономика, 1992. С. 243–426. / Пер. с нем. А. Санина.
14. *Бухарин Н. И.* Политическая экономия рантье. – Орбита, 1988. – 192 с.
15. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. В 3-х т. / А Маршалл. – М.: Прогресс, 1993. – Т.1,

415 с. – Т.2, 310 с. – с.Т.3, 351 с.

16. Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег. – Гелиос-АРВ, 2002.

17. Тарханов О. В. Кейнс, который не любил Сталина, но был нужен фюреру. – М.: Гелиос-АРВ, 2005.

18. Тюрго А. Р. Ж. Размышления о создании и распределении богатства (Reflections on the Formation and Distribution of Riches, 1770).

19. Шумпетер Й. Капитализм, Социализм и Демократия: Пер. с англ. /Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.

20. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения, Т.9, ч. II, 1987.

21. В. А. Добрынин, А. В. Беляев, П. П. Дунаев и др. Экономика сельского хозяйства / Под ред. В.А. Добрынина. 3-е изд. – : Агропромиздат, 2008. 476 с.

22. Тарханов О. В. Основное средство производства агроценоза: обоснование нового видения // Аграрная наука. – 2014. – № 7.

23. Тарханов О. В. Теоретическая экономия (тупик классового подхода). – Москва: Экономика, 2003.

24. Тарханов О. В. Концепции питания растений и общество // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 3 (7). – с.41-56.

25. Тарханов О. В. Аналитическая оценка ожидаемого урожая // Избранные лекции X Всероссийской школы «Экология и почвы». – Пущино, 2001.

26. Брестед Д., Тураев Б. А. История Древнего Египта. – Мн.: Харвест, 2003.

27. Бокарев Ю. П. Миф об упущенной альтернативе // Экономический журнал. – 2001. – № 2.

28. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1956 г. N 253 «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству».

29. Постановление ЦК КПСС и Совета Ми-

нистров СССР от 2 октября 1968 г. N 786 «О мерах по дальнейшему улучшению научно-исследовательских работ в области сельского хозяйства» (СП СССР, 1968, N 19, ст. 133).

30. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 августа 1976 г. N 703 «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством» (СП СССР, 1976, N 21, ст. 103).

31. Тарханов О. В. Сущность кооперации по А.В. Чаянову и современность // Экономический журнал. – 2011. – № 21.

32. Тарханов О. В. Экономическая социология и государство // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 4(8). – с.57-73.

33. Тарханов О. В. Аграрная экономика и государство // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2015. – № 2-1(10). – с. 77-91.

34. Тарханов О. В. О причинах низкой эффективности инвестиций в сельское хозяйство // Экономический анализ. – 2009. – № 10. – с.28-31.

35. Тарханов О. В., Тарханова Л. С. Современные технологии переработки навоза и помета как тормоз экономики. – Уфа: Системы и технологии, 2009.

36. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник, – М: Финансы и статистика, 1986.

37. Тарханов О. В. Научные и научно-институциональные ловушки в АПК // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 2 (6). – с.72-79.

38. Тарханов О. В. И вновь о плодородии российских нив / Крестьянские Ведомости, 2014.

39. Тарханов О. В. Конкуренция как фактор разрушения // Стратегия России. – 2015. – № 6, № 7..

40. Тарханов О. В. Инфляция // Общество и экономика. – 2004. – № 10.

41. Тарханов О. В. Технологическая реформа сельского хозяйства как средство против войны. – М.: Книга и бизнес, 2006.